

Л. С. СЕМЕНОВ

К ДАТИРОВКЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

«Того же году, — говорится в Лычюнской летописи под 6983 (1474/1475) г., — обретох паписание Офопаса тверитина купца, что был в Ындее 4 годы, а ходил, сказывает, с Василлем Папиным. Аз же опытах, коли Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаши ми, за год до казанского похода пришел из Орды; коли князь Юрьи под Казанью был, тогда его под Казанью застрелили. Се же написано не обретох, в кое лето пошел или в кое лето пришел из Ындоя, умер, а сказывают, что деп Смоленска не дошел, умер. А писание то своею рукою написал, пже его руки то тотрати привезли гости к Мамыреву Василью, к дяку великого князя на Москву».¹

И в тех тетрадах — «Хоженне за три моря», как назвал описание своего путешествия Афанасий Никитин.²

Фамильного имени автора нет в летописной редакции, которая известна по нескольким спискам XVI в. и которой принадлежит предельная летописная статья, его сохранила другая редакция, открытая Н. М. Карамзиным в Троицком сборнике конца XV — начала XVI в.³ Редакция, относящаяся к XVII в., иначе датирует путешествие. В составе Краткого летописца оно помещено под 6969 (1461) г.: «В та же лета пекто именем Офонасей Никитин сын тверитин ходил с послы от великого князя московского

¹ Хоженне за три моря Афанасия Никитина. Изд. 2-е. М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»). Далее страницы по этому изданию указаны в тексте. — Летописная статья, как полагают, принадлежит Родиону Кожуху, дяку митрополита Геровтля (И у р о Я. С. Общорусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 237).

² В Сухановском списке, как отметил А. А. Зимин, составитель дал свое название: «О индийском хоженнии» (ОР ГПБ, XVII, 17, л. 402 (написания оригинала); Труды ОДРЛ, 1957, т. XIII, с. 438).

³ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 8. СПб., 1817, с. 344—346, прим. 629. — Н. М. Строев не называет путешественника Никитиным, хотя ссылается на Карамзина; В. Папина он именует послом в Индию, основываясь на ошибочном прочтении летописной статьи. См.: Строев П. М. Софийский временник, ч. II. М., 1821, с. VI, 145—146.

Ивана и от великого князя Михаила Борисовича тверскаго и от владыки тверскаго Генадия за море и той тверитин Афанасей писал путь хожепия своего. . .» (53). В отличие от летописца XV в., поиски которого отразила летописная редакция, аноним XVII в. сведения о Никитине почерпнул лишь из текста записок, дополнив их собственной датировкой.

Когда же Никитин был в Индии? Летописец вывел четыре года. По тексту описания видно, что жил путешественник в Индии около трех лет, хотя этот период и охватывает четыре календарных года. Какие именно, в записках Никитина не указано. Летописец, получив рукопись в 1474—1475 гг., и после расспросов не смог установить ни возраст Никитина, ни когда именно ходил он в Индию. Однако, кроме примерного места смерти путешественника, выяснилось, что посольство, к которому он присоединился, состоялось за год «до казанского похода».

Согласно хронологии путешествия, предложенной И. И. Срезневским, началось оно в 1466 г.; так как путешественник указывает, что в своих странствованиях он шесть раз отмечал шиху за пределами Русской земли, то этим определялась и конечная дата — 1472 г. (127). Отсюда следовало, что с 1467 г. Никитин в Иране, около мая 1469 г. прибывает в Индию, в начале 1472 г. покидает ее, еще раз пересекает Иран и возвращается через Турцию и Крым.⁴ Смерть путешественника на пути к Смоленску относят к концу 1472—началу 1473 г.

Датировка Срезневского вызывает ряд вопросов.

Конец путешествия, учитывая время получения рукописи летописцем, ограничен 1475 г. Но если смерть путешественника наступила зимой 1472/73 г., то возникает «пауза» около двух лет, когда неизвестно, где были записки Никитина. Могло ли путешествие начаться ранее 1466 г.? Нет, поскольку Никитин упоминает в Астрахани хана Касима (11), а он в том году только начал править (190). Датировка Краткого летописца вызвана, вероятно, тем, что к 1461 г. относится начало княжения тверского князя, названного Никитиным, но составитель не заметил, что княжение Ивана III, тут же упомянутое, началось в 6970 (1462) г. Могло ли путешествие начаться позднее 1466 г.? Казанских походов при Иване III было несколько. За «первую Казанью» последовали на протяжении 1467—1469 гг. еще три похода.⁵ Так что Василий Иванович мог отправиться с посольством из Москвы между 1466 и 1468 гг. Следовательно, на начальном и на конечном отрезке путешествия обнаруживается возможность сдвига сроков путешествия примерно на два года.

⁴ Срезневский И. И. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. СПб., 1857, с. 36—38. — Автор точно передает летописную статью, указывая, что Никитин умер в Смоленске. — Там же, с. 38.

⁵ Блаженнич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, с. 64—72; см. также: Карамзин Н. М. История. . ., т. 6, с. 13—22.

Содержание записок Никитина позволяет датировать путешествие по упоминаемым историческим фактам, а также праздникам и постам православного и мусульманского календаря. Летописная статья указывает возможные пределы сроков путешествия, но не позволяет надежно датировать его каким-либо определенным годом.

Кроме посольства Ивана III в Ширван и предшествовавшего приезда в Москву ширванского посла, Никитин называет политические события в Иране, Турции и Индии. События в Иране и Турции относятся к концу 60-х—началу 70-х годов и не противоречат датировке И. И. Срезневского. Однако попытка И. И. Минаева установить время событий в Индии, описываемых Никитиным, обнаружила, что последние из них, поскольку можно судить по сохранившейся индийской хронике, имели место, когда, согласно принятой датировке, путешественник уже покинул страну.⁶ Как выясняется, хронологические рамки путешествия, определенные Срезневским по датам церковного календаря, принятого на Руси, не совпадают и со временем, определяемым по датам мусульманского календаря. Они указывают на разные годы.

Афанасий Никитин много внимания уделял проблеме датирования отдельных участков путешествия. Он взял с собой книги, которые позволили бы отмечать путь согласно церковному календарю, но книги пропали при ограблении под Астраханью. Поэтому Никитину пришлось определять даты примерно, соотнося их иногда с постами и праздниками, принятыми в исламе. Основные вехи пути обозначены указаниями на места, где путешественник встретил пасху (13, 22, 23, 27—29). Отмечал Никитин события и по другим датам привычного ему календаря. Этим способом он пользовался, когда хотел указать время события или смены сезона, называя ближайший праздник или пост (такое определенно встречается в записках свыше десяти раз), а также поясняя, когда бывает тот или иной отмечаемый в данной стране праздник (такое сравнение встречается пять-шесть раз). Определение даты в первом случае примерное, обозначающее собственно месяц, а во второй — день события. Это относится и к переходящим датам, связанным с пасхой, и к непереходящим, как покров или негров день. Никитин не раз говорит, что местный праздник тойхи Алла-уд-дина приходится на покров (16, 26), но в другом месте уточняет — две недели спустя и празднуется восемь дней (17). «По приметам гадаю», — пишет путешественник, что срок пасхи наступает ранее «бесерменьскаго багрима» за 9 дней или за 10 дней. А со мною нет пичено, никакая книги, а книги есмя взяли с собою с Руси; ино колп мя пограбили, и ни их взяли, и яз позабыл веры хрестьяньския всея и праздников хрестьянь-

⁶ М и н а о в И. П. Старая Индия. Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина. СПб., 1881.

ских. . . по педаю» (20).⁷ Неизвестно, в должные ли сроки отмечал Никитин пасху, находясь в Иране и в Аравии, но в Индии он отмечал этот праздник в сроки, не совпадавшие с церковным календарем (23, 27, 43).

При описании пребывания в Индии Никитин не раз упоминает один из главных праздников в исламе — курбан-байрам, точное число дней до или после этого праздника (20, 22—25, 27). Путешественник, как заметил И. П. Потрушевский, называет его также по-тюркски — улуг-байрам (226), т. е. большой праздник, в отличие от малого байрама, следующего за постом, приходящимся на 9-й месяц лунной хиджры. Живя в мусульманском государстве, Никитин не имел затруднений в определении срока праздника. Упоминает путешественник мусульманский пост, пишет, что постился в одни сроки с мусульманами (20, 28). Долал он это еще и потому, что, хотя в ислам не перешел и индусам «открылся», назвав себя и свою веру («есмы христианин, а имя ми Офонасей»), для мусульман был хаджа Юсуф из Хорасана (17—18). Точное число дней до одной из дат церковного календаря, принятого на Руси, Никитин называет в связи с прибытием в Кафу (30), где, как известно, была русская купеческая колония.

Датировка событий по православному календарю позволяла исследователям определять время пребывания путешественника в том или ином городе. И сравнительно точно, если речь идет о месяцах или временах года. А как с определением лет?

В записках Никитина есть место, которое хотя не прошло незамеченным, не было оценено как свидетельство, дающее абсолютную дату. Курбан-байрам, пишет путешественник о времени пребывания в индийском городе Бидаре, начался «в среду месяца мина» (22—23).

Давая при издании Софийской летописи перевод текста на восточных языках, содержащегося в записках Никитина, А. К. Казембек заметил, между прочим, что байрам приходится на последний день последнего месяца мусульманского календаря. «По словам нашего путешественника», писал исследователь, этот праздник имел место 29 июня.⁸ И. П. Минаев повторил это мнение и, отнеся свидетельство Никитина к 1471 г., не связал определение года с датой праздника.⁹

Если исходить из суждения Казембека и принятой датировки пребывания Никитина в Бидаре в 1470 г., то на протяжении этого года последний месяц арабского лунного календаря —

⁷ Таблицы для вычисления дат пасхи на каждый год во времени путешествия Никитина были составлены до 1492 г., т. е. до конца седьмой тысячи лет по принятой на Руси эре (К и з а л к о в а П. А., Л у р ь е И. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, с. 134).

⁸ ИСРЛ, т. 6. СПб., 1853, с. 357.

⁹ М и н а е в И. П. Старая Индия. — Ошибка повторена Н. В. Водополовым в изд.: Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1950 (комментарий).

месяц зу-ль-хиджжа — придется на 874 г. хиджры. Данный год хиджры не високосный, следовательно, в последнем месяце двадцать девять, как обычно, а не тридцать дней. Последний день этого года приходится на 29 июня. Значит, все-таки июнь, а не май?

Между тем Никитин явно придавал особое значение этой дате, написал, что был май, описал положение трех созвездий, которые он наблюдал (23). Это единственный случай во всем тексте записок Никитина. Кто же прав?

А. К. Казембек ошибся. Курбан-байрам празднуется четыре дня и начинается не в последний, а на десятый день месяца зу-ль-хиджжа. Кроме того, исследователь не вычислял срок праздника, и просто ссылку Никитина на шестой день перевел на дату по юлианскому календарю, поэтому и написал, что, «по словам нашего путешественника», было 29 июня. На то, что Никитин перед тем говорит, что встретил курбан-байрам в мае, внимания не было обращено. Между тем вряд ли он мог «перепестить» петров день на май. Значит, Никитин учитывал, что праздники и посты, отмечаемые по лунной хиджре, подвижны, приходящиеся из года в год на разные числа и месяцы европейского календаря.

Когда Срезневский датировал путешествие Афанасия Никитина, ход его рассуждения был следующий. Никитин пишет, что выехал из индийского города Джунир в Бидар на усенье (14). Значит, считал исследователь, путешественник выехал 15 августа. Праздник пасхи, третий со времени выезда за пределы Руси, Никитин встретил в Ормузе, отплыл «в Фомину неделю в радушицу» (35) и плыл до Чаула шесть недель; от индийского порта Чаул добирался до Джунира 24 дня да жил здесь два месяца. Считая назад от 15 августа, Срезневский получил, что пасха должна была быть 2 апреля, а на этот день она приходилась в 1469 г. Следовательно, заключил Срезневский, выехал Никитин из Твори в 1466 г. В 1468 и 1470 гг., добавляет исследователь, пасха приходилась соответственно на 17 и 22 апреля, так что эти годы для датирования пребывания путешественника в Ормузе должны быть исключены. Все это так. Но Никитин горько сетует, что не может определить ни православного праздника, ни поста, он трижды возвращается к этой мысли (20, 23, 27). Срезневский глух к голосу путешественника. Он фиксирует все, что пишет Никитин, но, восстанавливая его путь, свято придерживается покрова божьей матери и других определенных церковных дат. Русские летописи наряду с указанием числа и месяца широко применяли датирование событий по церковному календарю, но летописцы и жили в условиях регулярного соблюдения этого календаря.

Если Никитин отметил месяц и день недели для первого дня курбан-байрама, то можно определить год, так как этот праздник, как и пост рамазан, отмечают по лунной хиджре.¹⁰ Однако

¹⁰ Цыбульский В. В. Современные календари Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964, с. 8, 78—79, 128.

такая интерпретация свидетельства путешественника противоречит календарным данным.

В 1470 г., когда Никитин должен был, по Срезневскому, находиться в Бидаре, курбан-байрам приходился на 10—13 июня, а в следующем, когда путешественнику надлежало быть в Кулбарге, — на 30 мая—2 июня. Выходит все наоборот? Если 1470 г., то не май, а если середина мая, то ни 1470 г., ни 1471 г. А день недели? 10 июня 1470 г. было воскресенье, 30 мая 1471 г. — четверг. В 1469 г. курбан-байрам начался в среду, но тогда был июнь и Никитин еще не мог быть в Бидаре. А если Никитин прибыл в Индию не в тот год, который считали, и разница больше, чем один год? Вычислим, когда будет следующий курбан-байрам. 19 мая, во вторник, а в 1473 г. — 8 мая, в субботу. Повторение такого сочетания, чтобы начало данного праздника приходилось на среду в мае, возможно лишь на большом временном отрезке. Предшествующая такая дата — 18 мая 1407 г.; на протяжении следующих ста лет праздник несколько раз приходится на май, но ни разу на среду в мае.

Путешественник употребляет названия различных дней недели (19, 20 и др.), а также слово «среда» как день поста (20, 23). Но в данном случае он имел в виду не середину недели, считая с воскресенья, а середину месяца.¹¹ Перевод Н. С. Чаева, необходимость проверки которого признавал А. И. Андреев,¹² говорит о среде как дне недели (82). Перевод сделан с Троицкого списка, и связанная с ним редакция XVII в. как бы подтверждает правильность перевода, поскольку там не только опущено крамольное признание о том, что путешественник встретил пасху не в положенный срок, но в разбираемой фразе месяц опущен и просто сказано «в среду» (62).

Между тем латонисный текст более полно и точно передает это место: «Месяца мая 1 день велик день взял в Бедере в бесерменском в Гуддуставе; а бесермена баграм взяли в среду месяца; а заговел есми месяца априля 1 дець» (43). Прочтение «в середине месяца мая» дано Д. И. Изяковым в пересказе на немецкий язык летописного текста, изданного П. М. Строевым, а также М. М. Впелъгорским при переводе на английский язык Троицкого списка.¹³

¹¹ Об употреблении слова «среда» (середи) см.: Срезневский П. П. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. М., 1958.

¹² См. рецензию на первое издание «Хоженья» и серии «Литературные памятники»: Вестник АН СССР, 1949, № 6, с. 150—151. — По тексту Н. С. Чаева выполнены переводы на хинди и английский в изд.: Афанасий Никитин. Хоженно за три моря. М., 1960.

¹³ *Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst*, B. IV. Leipzig, 1835, S. 494; Major H. H. *India in the fifteenth century. Being a collection of narratives and voyages to India*. London, 1857, p. 22; Meyer K. H. *Die Fahrt des Athanasius Nikitin über drei Meere*. Leipzig, 1920, S. 32. — Перевод Впелъгорского, секретаря русского посольства в Лондоне, опубликованный посмертно, выполнен по просьбе английского издателя; в предисловии помещена пояснительная записка переводчика.

Приведенные выше расчеты показывают, что истолкование выражения «в среду месяца маа» как в среду в мае не может быть принято.

В таком случае можно предположить, что отмеченный Никитиным день баирама — 19 мая 1472 г. Несмотря на отсутствие числа и дня недели, эта дата отвечает признакам, зафиксированным путешественником. Следовательно, Никитин находился в Индии в 1471—1474 гг. и из Твери должен был выехать в 1468 г.

Согласуется ли это с летописной статьей и событиями, описанными в описании путешествия?

Вернемся к свидетельству летописца: «Аз же опытах, коли Василией ходил с кречаты послом от великого князя, и склалта ми — за год до казанского похода пришел из Орды; коли князь Юрьи под Казанью был, тогда его под Казанью застрелили». Как это понимать? Папин вернулся из посольства в Шемаху и отправился с новым посольством в Орду? Или для информатора летописца возвращение Папина из Шемахи через территорию Большой Орды и было возвращением «из Орды»? Надо полагать, последнее. Но который из четырех походов имел в виду собеседник летописца? К 1475 г. оба должны были знать, какие были походы на Казань, поэтому и назван князь Юрий. Единственный князь Юрий, участвовавший в этих походах, — Юрий Васильевич, Юрий меньшей, брат великого князя. Значит, бывший посол, недавно совершивший путь через Казань, был взят в тот поход, где начальствовал князь Юрий, и его, т. е. Василия Папина, в том походе под Казанью застрелили. Стало быть, спрашивать у человека, с которым был связан Никитин в начале своего путешествия, было уже невозможно. Князь Юрий участвовал в двух походах на Казань. В 1468 г., во втором походе, но тогда войска остановились во Владимире. Затем Юрий участвовал в четвертом походе, осенью 1469 г., и заключил мир с казанским ханом Ибрагимом.¹⁴

Летописная статья, как оказывается, допускает различные толкования относительно того, когда посольство Ивана III выехало из Москвы в Шемаху.¹⁵ Датировка «за год», конечно, приблизительная, но в любом случае не противоречит тому, что Василий Папин отправился в Закавказье не в 1466 г., а в 1468 г.,

¹⁴ ПСРМ, т. 5. СПб., 1851, с. 274—275; т. 8. СПб., 1859, с. 152—155; т. 12. СПб., 1901, с. 118—123; т. 25. М., 1949, с. 279—283; Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, с. 86—88.

¹⁵ Датировка Карамзиным прибытия Никитина в Индию «около 1470 г.», носившая предположительный характер, основывалась на толковании начала летописной статьи («... за год до казанского похода. Следовательно, в 1468 г.») по Воскресенскому списку; список, тогда не опубликованный, был сообщен историку П. М. Строевым (К а р а м з и н П. М. История. . . , т. 6, с. 344, прим. 629). При первой публикации летописи, принадлежавшей К. Этеру, П. Львов исключил «Хажелное» и вступительную статью от составителя. См.: Летописец русской, ч. III. СПб., 1792, с. 44; ПСРМ, т. 20, ч. 1. СПб., 1910, с. 302—313.

однако не позднее, так как в походе, состоявшемся через год после возвращения, был убит.

Высказывалась догадка, что рукопись Никитина сперва была привезена в Тверь, а затем сторонники Ивана III переслали ее с оклазнец в Москву.¹⁶ Это могло бы объяснить двухлетний перерыв между обнаружением рукописи летописцем в Москве и предполагаемой датой смерти путешественника. Можно было бы предположить также, что по прибытии в Кафу Никитин был задержан, поскольку генуэзские власти в связи с ложным обвинением секвестровали товары русских купцов.¹⁷ В 1474 г. в Крым прибыл посол Ивана III Н. В. Беклемышев.¹⁸

Необходимость в догадках отпадает, если Никитин приехал в Кафу осенью 1474 г., а в 1475 г. рукопись или ее копия была уже в руках московского летописца.

Записки Афанасия Никитина уже Карамзиным были признаны как редкий и ценный источник по истории Индии,¹⁹ и интерес к ним растет (5). Они прочно вошли в советскую (104—125, 252—255)²⁰ и индийскую историографию.²¹ Свидетельства русского путешественника использованы как в истории государства Бахманидов, так и в истории Гол и государства Виджалнагар. Однако задача установления времени пребывания Никитина в Индии не была разрешена, и в зарубежной историографии существуют различные на этот счет датировки. В хронологии по истории Индии, опубликованной Д. С. Триведи, как год приезда Никитина в Бидар назван 1392-й по индийскому календарю, или 1470 г.; в работе Р. Кемпа также принята датировка Срезневского. К. А. Нилаканта Шастри называет 1470—1474 гг.

¹⁶ Хожение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1948 (серия «Литературные памятники»), с. 80.

¹⁷ Рассказывая о конфликте в Кафе, М. Н. Виташевская утверждает, что купцы были арестованы. Как же тогда в 1472 г. могла произойти встреча с ними Никитина, о возможности которой пишет исследовательница? См.: Виташевская М. Н. Странствия Афанасия Никитина. М., 1972, с. 112—114.

¹⁸ ПСРЛ, т. 6, с. 32; т. 8, с. 179—181; т. 25, с. 301, 303; Веселовский С. В. Приказные дяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 49. — Пакка Беклемышеву на переговоры в Кафу см.: Сб. РГО, т. 41. СПб., 1864, с. 8—9. У Веселовского без ссылки на источник дата посольства — 1471—1475 гг., но в 1471 г., во время похода Ивана III на Новгород, Беклемышев был послан не к Менгли-Гирею, а к Мургазу, сыну казанского хана (ПСРЛ, т. 8, с. 107; т. 25, с. 291).

¹⁹ Карамзин Н. М. История... т. 6, с. 340.

²⁰ См.: Очерки по истории исторической науки в СССР, т. 1. М., 1955, с. 74, 503; Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925, с. 173—174; Пронин А. А. История Индии в средние века, ч. 3. М., 1948; Юстерики Е. Я. Индийский город Камбен в XV—XX веках. Л., 1962; История Индии в средние века. М., 1968.

²¹ Спиха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. М., 1954; Sastri K. A. N. A history of South India. Oxford, 1955, p. 32, 251; Кемп Р. М. Bharat. — Rus. Delhi, 1958, p. 11, 14—15; Trivedi D. S. Indian Chronology (6701 B. C. to 1958 A. C.). Bombay, 1959, p. 45; Bhatnagar S. A. A dictionary of Indian history. Calcutta, 1967, p. 96.

как годы пребывания Никитина в Индии. Английские авторы пишут, что Никитин находился в Индии между 1468 и 1474 гг.²²

В Индии Никитин стал очевидцем столкновения двух крупнейших в то время держав субконтинента. Находясь на территории одного из них — мусульманского государства Бахманидов, — путешественник описывает несколько войн (25—28), которые вели войска Мухаммедшаха III, одного из последних представителей династии. Эти события описаны Мухаммедом Касимом Ферриштом, индо-мусульманским историком, жившим на рубеже XVI—XVII вв. и писавшим на персидском языке. История Ферришты основана на придворных хрониках, составленных его предшественниками — современниками описываемых событий, один из которых — мулла Абдул Карим Сидхи, состоявший на службе Махмуда Гаваи, фактического правителя государства в конце 50-х—начале 80-х годов XV в. Ферришта датирует события по годам хиджры, а также приводит традиционную местную датировку относительно сезона дождей. Никитин же называет мусульманские праздники. Так что при всем разнообразии приводимые в обоих источниках указания позволяют датировать исторические события на уровне лет и времени года, а иногда — месяцев и дней.

По рассказу Ферришты, в конце 1460-х—начале 1470-х годов две войны были направлены против индусской державы Виджаянагар и две — против другого индусского государства — Ориссы. Первая война была завершена в 1469—1470 гг. завоеванием приморской области Келли и Гоа, находившейся в зависимости от махараджи Виджаянагара.²³ Никитин пишет, что война продолжалась два года и войска торжественно вернулись в столицу на курбан-байрам, «а по руському на Петров день» (25). Войсками командовал везир ходжа Махмуд Гавай, носивший титул мелк-ат-туджжар (209). Называя его боярином, путешественник пишет, что ведет он войны с индусами «20 лет есть, то его побить, то он побивает их многожды» (14, 17), и замечает, имея в виду Келли и Гоа, что «два города взял индейския, что разбивали по морю Индейскому» (25).²⁴

²² Sewall R. A forgotten empire (Vijayanagar). London, 1900, p. 103—106; Smith V. A. The Oxford history of India. 2 ed. Oxford, 1928, p. 283, 286; The Cambridge history of India, v. 3. Cambridge, 1928, p. 432, 556; Edwards M. A. A history of India. Bombay, 1961, p. 118.

²³ Firishta Muhammad Kasim ibn Hindu Shah. History of the rise of Muhammadan power in India. Transl. from the original Persian by J. Briggs, vol. II, part. 1. 3-th ed. Calcutta, 1958 (далее — Firishta), p. 120—121. — Об источниках хроники см.: Encyclopaedia of Islam, vol. II. Leiden—London, 1965, p. 923—925.

²⁴ Никитин не мог иметь в виду Дабул (см.: Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М. Афанасий Никитин и его время. Изд. 2. М., 1956, с. 190), так как этот порт был уже присоединен к государству Бахманидов. Губернатором города был Кхуш Кадам, которому затем было передано управление и завоеванной областью Гоа. См.: Firishta, p. 120—121.

Сличая записки Никитина и хронику Ферришта, Минаев натолкнулся на явное расхождение в датах. Для Срезневского, незнакомаго с хроникой Ферришта, проблемы не существовало, его датировка была «автономна» от истории Индии. Миньеву же предстояло «увязать» оба источника. Прочтя в хронике, что Махмуд Гавли вернулся в столицу после трехлетнего отсутствия, исследователь рассчитал, что война, начатая в 1469 г., должна была окончиться в 1472 г. Так как Никитин говорит, что войска вернулись в июне, а, по Срезневскому, Никитин уже в начале этого года покинул Индию, то первое возникшее противоречие было разрешено следующим образом.

Как и Срезневский, Минаев не сомневался, что русский путешественник был свидетелем всех описываемых им событий. Если прав Никитин, рассуждал исследователь, то неправ Ферриштэ. Выходило, что война продолжалась не три, а два года, или три, но начата была на год раньше, чем отметил придворный хронист. Поэтому Минаев высказался за то, чтобы временем возвращения войск после взятия Гоа считать июнь 1471 г.²⁵

Высказывалось и противоположное мнение (226—227): путешественник не мог иметь и виду взятие Гоа, расположенного южнее Дабула, поскольку это произошло после того, как он покинул Индию, и свидетельство тому его собственные слова: «Дабыль же есть пристанище в Гундустане последнее босерменству».²⁶ Как же было на самом деле?

Прежде всего событие, которое произошло с путешественником в Джуипре вскоре по прибытии в Индию, не могло иметь места в 1469 г., как то следовало из датировки Срезневского. Асад-хан, пытавшийся обратить Никитина в ислам, находился в это время в походе на Келну вместе с Махмудом Гаваном; Минаев, отметив участие Асад-хана, не заметил противоречия.²⁷ Во-вторых, следуя логике Минаева, датировать возвращение войск в Бидар из этого похода необходимо 1470 г., так как если там находился Никитин, это должно было состояться через год после приезда путешественника в Индию, а не в 1471 г., когда он должен был быть уже в Кулбарге; Минаев, поглощенный опровержением хроники Ферришта, перестал следить за тем, где находился Никитин. Наконец, слова Никитина о Дабуло не дают основания утверждать, что в то время, когда путешественник был в Индии, Гоа еще не был присоединен. В перечне портов запад-

²⁵ Минаев П. П. Старая Индия, с. 93—96.

²⁶ На это место записок впервые обратил внимание историк города Гоа (Fonseca J. N. An historical and archeological sketch of the city of Goa. Bombay, 1878, p. 127—129).

²⁷ Firishla, p. 120—121; Минаев П. П. Старая Индия, с. 34, 94. — Из Джуипра Никитин вышел в Бидар в августе, но не потому, что к этому времени просохли дороги (Виташевская М. Н. Странствия Афанасия Никитина, с. 58); сезон дождей, как свидетельствует путешественник, продолжался (14). По рассказу Никитина, это был срок, назначенный Асад-ханом для принятия решения о переходе в ислам (15).

ного побережья им названы наиболее значительные: Камбай в Гуджарате, Дабул у Бахманидов, Каликут у владетеля Виджайингара, которые он характеризует как порты «Индийскому морю всему» (20—21, 28). О Чауле как порте Никитин по рассказывает, хотя отсюда началось его путешествие в глубь страны. Порт Дну, не шедший тогда в сравнение с Камбаем, Никитин не называет, упоминая лишь область Гуджарат как зерную индийскую землю, которую он посетил.

Присоединенно Гоа хроника Ферришта датирует 875 г. хиджры, после сезона дождей, т. е. осенью 1470 г., после чего Махмуд Гаваи занимался укреплением Гоа.²⁸ На 876 г. хиджры приходится следующая война — в Ориссе и Телангане, при начале которой, согласно Ферриште, Махмуд Гаваи уже находился в Бидаре.²⁹ Выходит, все дело в ошибке комментаторов, датировавших взятие Гоа, и триумф Махмуда Гаваи, который описали Ферришта и Никитин, происходил на глазах последнего. Но, во-первых, и при одной из предложенных датировок путешествия Никитин не мог быть в Бидаре в 1471 г., он должен был находиться либо в Кулбарге, либо в Джунире. Во-вторых, путешественник называет две разные даты: утверждает, что находился в Бидаре, когда курбан-байрам начался в середине мая, а в связи с возвращением Махмуда Гаваи говорит о курбан-байраме в июне.

Сопоставимые данные хроники Ферришта и записок Никитина о войнах на Декане можно представить в следующем виде:³⁰

	Ферришта	Никитин	
874 г. х.	Сдача Козлы Мелик-ат-туджжару Махмуду Гаваи (после сезона дождей)	«Меликтучар взял города индейския, что разбипали по морю Индейскому. . .»	1469 г., осень
875 г. х.	Взятие Гоа (после сезона дождей) Триумф Махмуда Гаваи при возвращении в Бидар	«Меликтучар пришел с ратню своею к Бедерю на курбант багрям. . .»	1470 г., осень 1471 г., 30 мая— 3 июня
876— 877 г. х.	Войсками Низам-уль-мулька Малика Хасана, Абдулла Адиля-хана и Фатхулла Дарья-хана взяты Конданали, Раджаминдри, Наранга	«Мызамлык да Мекхан да Фаратхан . . . взяли 3 города великия, а с ними . . . коменн всякого дорогого много множество»	1471— 1472 гг., на позднее июня

²⁸ Firishla, p. 120—121; История Индии в средние века, с 322. В истории Гоа — ошибочно 1469 г. (F o n s e s в J. N. An historical. . . sketch of the city of Goa, p. 127); «Энциклопедия ислама» без ссылки на источник называет 876 г. х./1472 г. (Encyclopaedia of Islam, v. II, p. 924).

²⁹ Firishla, p. 122—124. См. также: В а н е р j i K. D. History of Orissa, v. I. Calcutta, 1930, p. 305—307.

³⁰ Firishla, p. 120—126; Хождение за три моря Афанасия Никитина. 2-е изд. С. 25—28; 874 г. х. = июль 1469 г. — июнь 1470 г.; 875 г. х. = июнь 1470 г. — июнь 1471 г.; 876 г. х. = июнь 1471 г. — май 1472 г.; 877 г. х. = июнь 1472 г. — май 1473 г.

877 г. х.	Выступление войск на Бидара	«Меликтулар выехал воевати индееи . . . на память шиха Исладинна»	1472 г., октябрь
877 г. х.	Взятие Белгаума (2 тыс. убитых при штурме)	«Град же взял . . . силою и рати его изгубло 5 тысяч»	1473 г., по подсчетам

Парадокс, таким образом, разрешается тем, что Никитин, находившийся в Бидаре в 1472 г., включил в записки рассказ о присоединении области Гоа, которое произошло двумя годами раньше. Обо даты верны, но на разные годы. Следовательно, русский путешественник не был свидетелем возвращения войск, но не потому, что завоевание Гоа состоялось позднее, а потому, что оно произошло до того, как он достиг Индии.

Подтверждением тому, что торжества в Бидаре по поводу возвращения войск Махмуда Гавана имели место в 1471 г., а не в следующем году,³¹ служат встреча в Джундуре в начале пребывания Никитина в стране, значит, не позднее 1471 г., с Асадхапом, который вернулся из похода вместе с Махмудом Гаваном.

Фрагмент записок Никитина о взятии трех крупных городов Мипаев был склонен отнести к войне за Келну и Гоа.³² Между тем завоевание трех важных крепостей — Раджамандри, Кондапалли, Варангал — произошло во время военных действий в Тонлиганде на протяжении 1471—1472 гг. Овладев устьями рек Годавари и Кришны, государство Бахманидов вышло к восточному берегу Деканского полуострова, заняв территорию от моря до моря. В этой войне Махмуд Гаван не участвовал, поручив начальство Меллику Хасану.³³ Его-то вместе с двумя другими полководцами и называет Никитин, сообщая о трех завоеванных городах. Как и Ферришта, Никитин рассказывает об огромных богатствах, особенно драгоценных камнях, вывозимых победителями. Мипаев же считал, что об этих событиях Никитин ничего не говорит.³⁴

Есть ли, однако, в записках Никитина подтверждение тому, что он находился в Бидаре в 1472 г., а не двумя годами раньше, кроме свидетельства о курбан-байраме в середине мая? Да, есть. Такое подтверждение находим в описании путешественником еще одной войны на Декане. Ибо Никитин мог знать о событиях, предшествовавших его приезду, но не мог рассказать о том, что еще не произошло.

Описания путешественника совершенно конкретны, хотя им нигде не названы осаждаемые города. Почти непрекращающаяся

³¹ S a t r i K. A. N. A history of South India, p. 244.

³² М и н н о в Н. П. Старая Индия, с. 95. — Н. П. Срезневский (Хожение за три моря Афанасия Никитина. . ., с. 64—66) тоже полагал, что Никитин описал два похода и возвращение военачальников после взятия трех городов почитая «съездом» и ожиданием второго похода.

³³ Firishta, p. 122—125.

³⁴ М и н а е в Н. П. Старая Индия, с. 109.

панирующая война принесла неисчислимые бедствия народам Южной Индии, свидетельства чему мы находим и в записках Никитина (156—159). Феодалыные усобицы привели вскоре к распаду государства Бахманидов на отдельные владения (160, 220—221), и враждующие державы не смогли оказать сопротивления европейским колонизаторам, которым открыл путь Васко да Гама. Так что русский путешественник застал апогей успехов и начало заката деканской империи.

Переходя к новому походу на южного соседа, Миннаев писал, что Афанасий Никитин стал очевидцем одного из важнейших событий в истории государства Бахманидов и записал правдивые известия об этом в свои записки.³⁵ Путешественник описывает выступление войск из Бидара на Виджаянагар и неудачный исход войны (26—28). Согласно хронике Ферришта, война была начата в конце 1472 г.³⁶ Никитин же, как считалось, в начале этого года уже покинул Индию. Поэтому Миннаев, отметив расхождение в датах, утверждал, что война началась годом раньше. Это отвечало и его прочтению записок Никитина: Миннаев вслед за Срезневским считал, что, согласно Никитину, Махмуд Гаваи выступил в новый поход вскоре после того как вернулся из предыдущего, в том же 1471 г. В действительности это произошло осенью 1472 г.

Как видно далее из записок, Никитин вышел из Бидара в Кулбаргу, где встретил курбан-байрам, затем направился в область Райчур, где провел пять месяцев, и, посетив еще несколько городов, отплыл из порта Дабул в начале следующего года (27—28). Миннаев полагал, что о цели похода Никитин узнал, не выезжая из столицы, о результатах же мог услышать в дороге. Предположение основано на том, что путешественник вышел из Бидара вместе с войсками и дальнейшие события развивались параллельно. В самом деле, последний период пребывания Никитина в стране (около семи месяцев) совпадает по времени с периодом от начала похода до получения известия о результатах. Но предположение свое Миннаев основал на ложной посылке. Путешественник рассказывает, что войска под предводительством Махмуда Гаваи выступили из столицы «на цокров», т. е. в октябре, по окончании сезона дождей. Вслед за ними «в 8-й месяц по велице дни» выступил с войсками Мухаммед-шах III, Никитин же покинул Бидар позднее, «за месяц до улубаграма бесерменьского», т. е. в середине следующего года, примерно семь месяцев спустя после начала войны. Таким образом, чтобы избежать противоречия, Миннаев на целый год отодвинул назад начало войны, а события следующего года вместил в полгода с небольшим, иначе ему бы пришлось превратить путешественника в Кассандру мужеского

³⁵ Там же, с. 109—111, 152—154.

³⁶ Firishhta, p. 122—125; Sastri K. A. N., Srinivasa Chari G. Advanced history of India. Bombay, 1970, p. 407—408.

рода. В действительности противоречия нет по той причине, что Никитин покинул Индию позже, чем считалось.

Минаев отметил еще одно расхождение записок Никитина с местной хроникой — относительно осады Виджаянагара. Путешественник рассказывает о тяжелой осаде и взятии города, не приводя его названия. Описание безводницы, данное Никитиным, по мнению исследователя, напоминает описание Ферриштэ, но последний говорит о городе Белгаум, да и засуха, о которой он пишет, наступила позже, после окончания войны. В то же время описание Никитиным повои войны, как резюмировал Минаев, нельзя отнести к действиям на границе Ориссы: путешественник называет другого царя, против которого двинулось войско, а также другое направление движения войск. Минаев решил, что знаменитая индусская столица, несмотря на умолчание об этом хронике Ферриштэ, была на этот раз взята.²⁷ Исследователь, однако, проявил невнимательность к тексту источника, на который он опирался. По рассказу Никитина, войска Махмуда Гавана взяли один город, т. е. Белгаум, после осады и штурма, но столицы не взяли. «Война с ним не удалась, — пишет Никитин, — один город взяли индейской, а людей много изгубило, и казны много потеряли», и добавляет, говоря о полководце: «в большом граде не взял» (27—28). Такое выражение употреблено Никитиным еще только по отношению к Бидару как столице: «вышли . . . к Бедерию, к большому (главному, — *М. С.*) их граду» (15, 17). Крупные города везде названы «великими» (13, 15, 21, 28).²⁸

Действительно, Ферриштэ повествует об осаде и штурме Белгаума, раджа которого по воле владельца Виджаянагара решил отпоевать Гоа, о том, как пороховыми взрывами были пробиты три бреши, как раджа Белгаума сдался в плен, явившись в лагерь к шаху под видом гонца, и т. д. О походе на столицу государства — Виджаянагар — хроника молчит. Если бы поход был успешным, как полагал Минаев, хронист вряд ли бы не сообщил об этом; умолчание поистине, если поход закончился неудачей.

Высоко оценив труд Срезневского, Минаев указал на ряд ошибок исследователя в том, что касается Индии,²⁹ но, приняв его датировку, оспорил хроникера Ферриштэ. Между тем при правильной датировке путешествия Никитина исчезают и другие противоречия, которые связаны с определенным временем пребы-

²⁷ См. также: К и т р Р. М. Bharat-Raj, p. 22. — И. И. Срезневский (Хождение за три моря Афанасия Никитина. . . с. 65—66) понимал это место записок в том смысле, что осаждавшие столицу не овладели «главной крепостью», т. е. цитаделью, где находился махараджа. Авторы, отметившие, что Виджаянагар не был взят, полагали, однако, что поход имел место в 1470 г., ранее похода в Ориссу (О с е н о в А. М. и др. Афанасий Никитин и его время, с. 186—190).

²⁸ Говоря «в великом Бедери» (23), Никитин передает местное наименование Маха Бидар.

²⁹ М и н а е в И. И. Старая Индия, с. 1, 7, 16.

вашия Никитина в Индии.⁴⁰ Отмечая противоречие между двумя известиями о взятии Гоа, Мишев писал, что их трудно примирить за неимением других современных данных. Оказывается, такие данные скрывались в самих записках путешественника.

Подтверждение свидетельств русского очевидца там, где его рассказ расходится с Ферришты, находим в хронике «Бурхан-и-мадсир», опубликованной после смерти Мишаева. Ее автор — Али ибн Азизулла Таби Табан — современник Ферришты. Как и Никитин, он отмечает, что поход, закончившийся триумфальным возвращением Махмуда Гаваи, длился два года, называет цель последнего похода, сообщая о совете у шаха, на котором Махмуд Гаваи объявил, что присоединит не только Белгаум, но все государство Виджаянагар.⁴¹

Таким образом, записки Никитина дополняют и уточняют индийские источники, а хроники Индии подтверждают свидетельства русского путешественника о событиях во время пребывания в стране в 1471—1474 гг.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

СТАТЬИ О «ВДАЧЕСТВЕ»

(опыт терминологического анализа древнерусских юридических текстов)

Содержащийся в Пространной Правде текст «А в даче не холоп, ни по хлебе робоят, ни по придатце» (ст. 111 по академическому изданию Русской Правды) давно привлекает внимание историков.¹ Этот текст дает основание говорить о наличии в древней Руси особой формы зависимости, называемой большинством исследователей «вдачеством». Однако специальные работы, посвященные вдачеству, отсутствуют. Более того, в исследованиях как по истории раннефеодальной Руси, так и по истории русского крестьянства вдачество занимает обычно весьма скромное место.² Тем не менее это явление представляется отнюдь не лишним интереса на фоне общей картины развивающегося феодального общества.

⁴⁰ Так, Никитин пишет, что шаху «20 лет» (17), но если он был в стране в 1469—1472 гг., то шаху было от 15 до 18 лет (210); возраст указан на 1473—1474 г.

⁴¹ См.: К и н о J. S. The history of the Bahmani dynasty founded on the Burhān-i Maʿsūr. London, 1900, p. 103, 106.

¹ См.: Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, с. 708—715.

² Большое внимание ему уделяли в новейшей историографии только Е. А. Романов и А. А. Зимин.